

КОЧЕВНИКИ И ОСЕДЛЫЙ МИР: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Современные реалии таковы, что международные исследовательские проекты стали привычным явлением для многих научных сообществ. Последние годы отмечены заметной активностью региональных центров. Совместные изыскания реализуются как в долговременных исследованиях, предполагая масштабные археологические раскопки, так и в пилотных вариантах (в основе некоторых — рассмотрение известной научной проблемы методами кросс-культурного анализа удаленных регионов). С 2012 г. в рамках «Соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук» выполняются исследования по теме «Кочевники и их взаимодействие с оседлым населением от Карпат до Уральских гор в древности и средневековье», объединяющие специалистов в области археологии и истории из Института истории и археологии УрО РАН и Института археологии и этнологии ПАН (научные центры в Кракове и Вроцлаве). Основные цели проекта — изучение различных проявлений социокультурной идентичности на локальном и региональном уровнях в широком хронологическом диапазоне; верификация некоторых социальных реконструкций и дополнение их новыми знаниями на основе современных социальных теорий. Такая постановка вопроса потребовала рассмотрения известной проблемы взаимодействия различных обществ сквозь призму более общих закономерностей в приложении к археологии.

Необходимо подчеркнуть, что данная территория выбрана неслучайно. У каждого из участников проекта уже имелся свой подход к изучению проблемы, но своеобразным импульсом к сотрудничеству послужили находки на археологических памятниках гористой местности Польши (Карпатский массив), аналогичные в стилистическом и художественном исполнении кочевническим, и новые данные о погребениях печенегов в северной Добрудже.¹ В то же время степной пояс Евразии —

не только маршрут на карте многочисленных миграций, но и арена сопутствующего им культурного обмена. Разнообразные по форме и содержанию контакты могли происходить как по горизонтали, соединяющей восточную и западную части Евразии, так и по вертикали, охватывающей степь — лесостепь — лес и цивилизации юга. В этой цепи территория степи и лесостепи Урала, начиная уже с VII–VI вв. до н.э., являлась своеобразной пастбищно-кочевой провинцией Евразии.²

На основании результатов всестороннего научного исследования предполагается получить относительно полную картину того, как перемещения кочевых групп, их контакты с миром оседлых культур отразились в археологическом материале. К настоящему времени некоторые аспекты и направления проекта являются законченными исследованиями, другие еще требуют дальнейшего изучения:

1. Материалы археологических памятников лесостепного Зауралья раскрывают разные аспекты проблемы взаимовлияний культур древности под воздействием всевозможных факторов. На сегодняшний день самым северным памятником в лесостепи, где зафиксировано «присутствие» кочевников, можно считать Прыговский 2 могильник. Ранние кочевники уже в VII–VI вв. до н.э. осваивали не только степную, но и лесостепную зону Западной Сибири, которая привлекала их обилием биоресурсов и была открыта южным влиянием. Взаимоотношения кочевников с населением лесостепи складывались по-разному, при этом номады всегда играли активную, даже агрессивную, роль.³ Одним из результатов такого взаимодействия принято считать сложение в западносибирской лесостепи объединения, представленного памятниками саргатской общности (V в. до н.э. — II–III вв. н.э.).

Szmoniewski B. Sz. Stronghold at Pastirs`ke — centre of power in the forest-steppe belt of eastern Europe // *Potestas et communitas*. P. 299; Шмониевский Б. Ш., Воина В. М. Погребение тюркского кочевника в пещере Баба в северной Добрудже: свидетельство присутствия печенегов в регионе // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Барнаул, 2012. С. 150–152.

² См.: Таиров А. Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. С. 64–115.

³ См.: Корякова Л. Н., Шарапова С. В., Ковригин А. А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // *Урал. ист. вестн.* 2010. № 2 (27). С. 63.

¹ См.: Dobrzanska H. Sarmatians — people from Central Eurasian steppes — on their most western territory // *Serica — Da Qin. Over 2000 years of Sino-Western relations. Studies in Archaeology, Philology and History*. Wroclaw (forthcoming); Paroń A. The nomadic state of early Medieval Europe on the Background of the Eurasian steppes` political structures. An essay // *Potestas et communitas*. Wroclaw; Warszawa, 2010. P. 163–180;

Материалы раскопок в разных частях степной ойкумены, включая лесостепь, как будто подтверждают часто цитируемые пассажи об агрессивности кочевников из сочинений античных авторов. Например, некоторые сарматские скелетные серии демонстрируют довольно большую долю травматических повреждений, для многих зафиксированы травмы, нанесенные оружием.⁴ Вероятно, этими обстоятельствами и объясняется устойчивое убеждение археологов в «воинственности» носителей саргатской культуры, фиксируемой преимущественно по могильному инвентарю. Кроме того, почти все исследователи отмечают внешнее сходство скотоводческих культур эпохи железа. Однако в ходе биоархеологического анализа 173 черепов, мужских и женских, только 5 отнесены к разряду боевых. Нельзя отрицать, что военные действия были распространены в саргатском мире, но все же повсеместное наличие оружия среди элиты имело в немалой степени знаковый характер, что нашло отражение в саргатском погребальном источнике. Подобная символика могла, очевидно, иметь прагматические корни (вовлеченность населения или определенной группы в реальную военную деятельность), однако, как было установлено, абсолютное количество боевых ранений черепа в саргатской популяции невелико. Данное обстоятельство позволяет заключить, что по уровню боевого травматизма и, следовательно, милитаризованности быта саргатское население уступает поздним сарматам и хунну⁵.

Приведенный пример иллюстрирует усилия элиты по конструированию идентичности. По мнению В. А. Тишкова, идентичность формирует границы,⁶ т. е. для самоидентификации гораздо более важна граница с другими. В последние годы активное влияние социологии и философии прочно закрепило понятие «идентичность» среди категорий междисциплинарного знания, расширив интерпретационные возможности археологического источника, выведя его за рамки привычного вещеведения. Попытки обобщения некоторых размышлений о сущности иден-

тичности и соотнесения их с чрезвычайно богатой палитрой ее проявлений в археологических источниках были предприняты применительно к обществам эпохи железа. Основное внимание было уделено изучению различных невербальных средств, которые позволяли индивидам создавать и выражать свою идентичность.⁷

2. Вопросам взаимодействия между человеком и ландшафтом уделялось большое внимание в литературе. Особенно активно они обсуждались в связи с появлением кочевого скотоводства в евразийской степи. Итогом этой полемики явилось признание зависимости кочевого хозяйства от природно-климатического фактора.⁸ Не вдаваясь в подробности этого обсуждения, отметим лишь то, что мы разделяем точку зрения О. Латтимора, Т. Барфилда и А. М. Хазанова, которые связывают экологические изменения и социокультурные трансформации в поздней древности и средневековье.⁹

Способы адаптации к внешнему миру на примере Китая и его взаимоотношений со степняками подробно рассмотрены Т. Барфилдом, который отметил значительную зависимость между возникновением степных империй и существованием сильного централизованного Китая.¹⁰ К противоположному мнению склоняется М. Р. Дромп, отмечая отсутствие аргументов в пользу существования такой зависимости.¹¹ Сходная аргументация была предложена Н. ди Космо: степень зависимости кочевников от продуктов земледелия

⁷ См.: Шарапова С. В. Маркеры социальной идентичности: биоархеологический аспект // Человек и Север: Антропология, археология и экология: материалы всерос. конф. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 65–68; Sharapova S. Beyond the Silk Road: cultural identity of the Iron Age forest-steppe population of the Trans-Urals and Western Siberia // *Serica – Da Qin*.

⁸ См., например: Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. М., 2010; Тариров А. Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003; Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002; Wendrich W., Barbnard H. Mobility: Definition and Research Approaches // *The Archaeology of Mobility. Old World and New World Nomadism*. LA, 2008.

⁹ Barfield T. J. *The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier* // *Empires: perspectives from archaeology and history*. Cambridge. 2001. P. 10–41; Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. Boston, 1967; Khazanov A. *Nomads and the Outside World*, Cambridge, 1984; Хазанов А. М. Указ. соч.

¹⁰ Barfield T. J. *The perilous frontier: nomadic empires and China, 221 BC to AD 175*. Cambridge, 1992.

¹¹ Drompp M. R. *Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th centuries)* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. № 58. P. 101–111.

⁴ См.: Перерва Е. В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2002. Вып. 1–2. С. 141–151.

⁵ См.: Ražev D., Šarapova S. Warfare or Social Power: Bioarchaeological Study of the Iron Age Forest-Steppe Populations in the Trans-Urals and Western Siberia // *Prähistorische zeitschrift*. 2012. 87(1). P. 146–160.

⁶ Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 117.

и ремесла, производимых их оседлыми соседями, не всегда была так велика, как на это указывали оппоненты.¹² Подобного рода дискуссии еще раз подчеркивают важность казуального подхода, а также тот факт, что при всей универсальности предлагаемых моделей необходимо учитывать и особенности культур. Следует отметить, что западная часть Великой степи значительно отличалась от восточной как в отношении природно-климатических условий, так и в плане исторического развития. Применительно к западной части невозможно выстроить только элементарную схему «степь — высокоразвитая земледельческая цивилизация». Почвы в этой части степи благоприятны для земледелия. Поэтому территории, также пригодные и для пастбищ, осваивались оседлым населением. Нередко, как свидетельствуют письменные источники, это население являлось частью прежних государств, некогда созданных степняками. Подобное соседство не только предполагало включение в сферу влияния, но и определяло степень интенсивности контактов. Тем не менее, данное обстоятельство не привело к сложению единой культуры, хотя отдельные элементы заимствования все же могли иметь место. Когда же культурные различия сопровождались возникновением правящей элиты и ее подчиненных, это порождало антагонизм кочевников и оседлого населения.

Письменные источники неизменны в своих утверждениях. Однако развитие исторического знания может происходить не только за счет введения в научный оборот новых, но и посредством выявления в уже известных источниках скрытой структурной информации или верификации стереотипных оценок. В такой ситуации возрастает роль археологических исследований, способных дополнить и/или скорректировать некоторые пассажи древних хроник.¹³ Известный пример — работа, проделанная Н. Н. Крадиным при освещении истории хунну.¹⁴

3. Немаловажное значение для развития кочевых сообществ могли иметь торговые пути. На протяжении многих веков по степному поясу Евразии происходило движение людей, вещей и идей, распространение передовых технологий и идеологий. В сферу влияния подобных трансевразийских контактов попадали различные области и территории, а населявшие их народы становились активными участниками и посредниками в культурных связях на пространствах от Китая до Европы и юга Средней Азии. Все это в конечном итоге могло способствовать как процессам расслоения внутри сообществ, так и появлению на исторической карте обширных держав и империй (например, Хазарского каганата и готского государства Германарика). В то же время предложенное Т. Барфилдом понятие «shadow empire»¹⁵ может быть употреблено только по отношению к гуннам и аварам: их существование было фактически зависимым от постоянного поступления материальных благ из Рима и Византии. Применительно ко многим другим политическим объединениям, созданным кочевниками на рассматриваемой территории, такой тесной зависимости проследить не удастся.¹⁶

Любые находки, так или иначе проливающие свет на взаимоотношения кочевников и оседлых обществ, заслуживают внимания. В частности, представляется важной для интерпретации финальной фазы истории гуннов проблема культурной атрибуции предметов, найденных в погребениях на территории Азии, но происходящих из Центральной Европы и датированных первой половиной V в.¹⁷

Участники проекта далеки от мысли, что в ходе предпринятых исследований возможно решение всех актуальных проблем номадизма, равно как и взаимоотношений кочевников с оседлым населением. В то же время подобная инициатива позволила, с одной стороны, обратиться к «старым проблемам» на новом уровне, с другой — поставить новые вопросы, возникшие в ходе решения «старых» задач.

*С. В. Шарпова, Б. Ш. Шмоневский,
А. Паронь, Х. Добжаньска*

¹² Cosmo N. di. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic and Basis and Its Significance in Chinese History // *Journal of Asian Studies*. 1994. № 53. P. 1092–1126.

¹³ См.: Paron A. The picture of the Scythians in “History” by Herodotus and the Xiongnu in “Shiji” by Sima Qian. An attempt at comparison // *Serica — Da Qin*.

¹⁴ Крадин Н. Н. Империя хунну. М., 2001.

¹⁵ Barfield T. J. Op. cit. P. 10–41.

¹⁶ См.: Szmoniewski B. Sz. The origin of the Eurasian Avars // *International Journal of Eurasian Studies* (forthcoming).

¹⁷ См.: Idem. Between West and East: Anthropomorphic and Zoomorphic Representations in the Forest-Steppe Belt and Steppe Zone of Eastern Europe // *International Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 1 (11). P. 88–107..